

О.В. Кустова.

«ДВАДЦАТЬ ОДИН ГРАММ ДУШИ» // СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПРОГРАММЫ
«ТРАУГОТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» 2011–2012 гг. .СПб, 2013

ДВАДЦАТЬ ОДИН ГРАММ ДУШИ

Темой своего недолгого выступления я выбрала сюжет плохо формулируемый, очевидный и вместе с тем неуловимый — атмосферу. Атмосферу работы, творчества, жизни, наконец. И в этом контексте личность Валерия и Александра Георгиевичей Трауготов занимает особое место — особое, если не уникальное — в нынешнем контексте художественной работы и обучения мастерству. Специально беру слово — обучения, а не преподавания, так как ручное художественное дело требует скорее именно его, а не регламентированного преподавания с часами, отведёнными на рисунок, историю искусства, даже иностранный язык...

Итак, атмосфера. Это, как сообщает энциклопедия, «газовая оболочка небесного тела, удерживаемая около него гравитацией». Научное определение. Но в нём много человеческого, потому что именно вокруг человека, который тоже в какой-то мере является небесным телом, может создаваться уникальная атмосфера творчества, работы, подъема, которая удерживается вокруг него силой его собственной личности, в неё вовлекаются другие небесные тела — суть люди, и тогда возникает уже не одно небесное тело, а планетная система, созвездие. Иногда школа, иногда движение единомышленников, творческое объединение, наконец.

Ни школы, ни творческого объединения вокруг этих художников не возникло. Времена не способствовали групповым выступлениям, а вот атмосфера была, и, к сожалению, думаю, на сегодняшний момент это практически давно прошедшее время.

Валерий и Александр Георгиевичи появились в Детгизе, тогда ещё Ленинградском отделении «Детской литературы» в качестве консультантов в 1987 году. Их приходу предшествовало такое художественное затишье. Книги выходили, сами братья Трауготы работали в издательстве, бывали даже художественные достижения, но всё это скорее можно было назвать просто издательским процессом, хотя и отлаженным и вполне профессиональным. Но появление Трауготов что-то сдвинуло, неуловимо изменило: стали приходить художники, которых никогда не звали в «Детскую литературу» (среди них и присутствующий здесь М. Карасик, взялся иллюстрировать книгу Погодина «Земля имеет форму репы» Александр Флоренский, и вместе с тем стали вспоминаться старые имена — Будогосская, например, готовились переиздания классики, совсем молодые выпускники Академии тоже начали работать).

Конечно, эти годы нельзя сравнивать с детгизовским расцветом — а их, наверное, было три: первый, классический и главный — двадцатые годы; второй — оттепель, постоттепельные годы, когда несмотря на все административные сложности, в издательство вернулись художники, сделавшие славу детской книге и сохранившие лебедевскую школу работы, — Васнецов, Пахомов, Курдов; и третий — последний, конец восьмидесятых. Последние годы перед концом, о которых и пойдет речь.

О двадцатых годах написано много, но очевидно, что сюжет не исчерпан. Он обрастает новыми деталями, теряет свою однозначность и монолитность, но не теряет главного — удивительного творческого подъема, художественных достижений и побед. Конечно, мы вспоминаем имя Владимира Лебедева, конечно, другие имена, сделавшие славу детской рисованной книге, выдвинувшие её на первые позиции и формальных и фигуративных

поисков в искусстве иллюстрации. Но организатором процесса выступал один человек — Владимир Васильевич Лебедев, который так говорил об истоках своего мастерства и личности:

«Чтобы понять моё творчество, нужно знать и помнить, что я художник 20-х годов. <...> Меня сформировала духовная атмосфера того времени. Туда уходят корни всех моих идей и замыслов. Дух 20-х годов я старался пронести сквозь всю мою жизнь».

Слова эти очень важны для понимания того, как осознавал свою задачу главного художника издательства Валерий Георгиевич Траугот. Наверное, теперь, по прошествии многих лет эти задачи можно сформулировать следующим образом: привлечение для работы над детской книгой разных художников, разных направлений, разных возрастов; уважение к авторам, редакторам и признание выпуска книги как совместного труда; утверждение необходимости понятия атмосферы сообщничества, исповедания единых творческих целей и задач как для работы над книгой, так и для работы художника.

При этом понимание атмосферы достаточно специфично. Шестидесятые годы прошлого века возродили, а может быть, скорее, вспомнили феномен сращения «литературы» и жизни, «художества» и жизни, о котором так будет вспоминать один из наиболее ярких представителей ленинградской богемы 60-х Константин Кузьминский: «Я литературу на „литературу— и „жизнь— не разделяю, для нас она была едина». В работе Трауготов — организаторов так и было. Уважение к поиску, ценность нового, внимание к чужой работе... Жизнь и искусство срачивались, представляя собой некий феномен внутреннего неприятия изживавших себя социалистических законов. Это был период внутренней эмиграции, которая активно работала, искала на территориях неофициального искусства, не всегда концептуального.

А мировосприятие Трауготов было сформировано в детстве, как вспоминал Валерий Георгиевич в одном из интервью, «картинами Пикассо „Девочка на шаре—, „Кругом заключенных— Ван Гога, „Покорением Сибири Ермаком— Сурикова и циклом работ Владимира Лебедева к „Цирку—». Широкий диапазон, противопоставленный официальному, и, надо сказать, навсегда сформировавший определенные тональности личного творчества братьев.

Это не панегирик. Никто не безукоризнен, но бескорыстие в рассмотрении и оценке чужих работ, благожелательность, заинтересованность, широкие и порой неожиданные познания в разных областях культуры и искусства искупали многие недостатки. В издательстве родилась жизнь, потому что в нём открылась душа. Говорят, она весит всего 21 грамм. Такова разница между весом живого тела и неживого. Очень мало. И бесконечно много. «Двадцать один грамм» — так называется фильм мексиканского режиссера Алехандро Гонсалес Иньяриту, который рассказывает историю жизни трёх людей, совершенно изменяющихся в ходе происходящей на экране жизни. Мы тоже все тогда изменились после того, как в издательстве стали постоянно работать братья Трауготы. Двадцать один грамм. Очень мало. И бесконечно много.

Живое — неживое, наделенное душой или нет — не метафора. Это залог жизни и выживания культуры, сохранение её экологии. Потому что отсутствие знака референции, высокой планки требовательности к работе, к её замыслу, исполнению, к её звучанию в конечном итоге нивелирует всё, делает банальной и трагедию, и комедию.

Когда в искусстве перестаёшь сопереживать или удивляться, перестаёшь думать и начинаешь только потреблять, поле жизни культуры, дом этих двадцати граммов плюс один захламляется. Нарушается циркуляция человеческого, и, возможно, может наступить момент, когда высшим художественным актом окажется молчание. Отказ.

Тогда единственной надеждой может оказаться стойкий оловянный солдатик, который для всех читателей нашей страны останется таким, каким придумали его Валерий и Александр Георгиевичи Трауготы.

О.В. Кустова (Давтян)